

Вадим Баранов

Горький и Сталин. УСТРАНЕНИЕ

В СУЩНОСТИ, положение Горького при Сталине никогда не было абсолютно прочным, а о независимости и говорить не приходится. Но в какой-то момент оно начало ослабевать, и чем дальше, тем все больше. Определенные симптомы такого рода он почувствовал еще в конце работы I съезда писателей.

Далеко не все литераторы остались довольны тем, что Горький все настойчивее говорил о необходимости поднимать качество литературного труда. В письме, адресованном в ЦК партии 1 сентября 1934 года, то есть еще в день окончания съезда, он заявил весьма недвусмысленно: «Съезд литераторов Союза С. С. республик обнаружил почти единодушное сознание литераторами необходимости повысить качество их работы и тем самым признал необходимость повышения профессиональной технической квалификации».

Писатели, которые не умеют или не желают учиться, но призывали играть роли администраторов и стремятся укрепить за собой командующие посты, — остались в меньшинстве. Они — партийцы, но их выступления на съезде были идеологически тусклы и обнаружили их профессиональную малограмотность. Эта малограмотность позволяет им не только не понимать необходимость повышения их продукции, но настраивает их против признания этой необходимости, — как это видно из речей Панферова, Ермилова, Фадеева и двух, трех других».

Однако, продолжал Горький, из сообщения А. Жданова следовало, что эти люди «будут введены в состав правления». Заметим от себя: не «рассматриваются как кандидатуры», не «могут быть избраны» и т. д. — Горький дает понять, что ему отлично известно, кто на деле формирует руководящие органы творческих союзов при видности их демократического устройства, кому в этом отношении принадлежит решающее слово.

Все в том же письме подвергается критике журнал «Октябрь», «редактируемый группой Панферова». Горький был настолько недоволен позицией своих оппонентов и их групповыми пристрастиями, что, в сущности, предъявлял высшему партийному руководству ультиматум: освободить его от обязанности председателя правления Союза писателей.

Уговорили остаться. Слишком скандальный выглядел бы его уход. Наверное, не скупилась на обещания учесть впредь пожелания крупнейшего пролетарского писателя. Но на деле все обернулось иначе. Как и предчувствовал Горький. Но только крупно ошибался он, расценивая возможные действия оппонентов как «пустяковые склоки». Все приобретало гораздо более серьезный характер.

20 января 1935 года в «Правде» появилась статья Д. Заславского, критикующая переиздание романа Ф. Достоевского «Бесы». Казалось бы, факт не слишком примечательный в масштабах литературной жизни огромной страны. Но слишком хлестко звучал заголовок статьи: «Литературная гниль». Впрочем, важнее другое обстоятельство: выпустило роман издательство «Академия», которое возглавил Л. Б. Каменев.

Возглавил после того, как Горький хлопотал перед Сталиным о целесообразности привлечь опального политика к активной деятельности хотя бы в области культуры. Известно, что писатель устроил примирительную встречу Хозяина с проштрафившимся оппозиционером у себя дома. Стоит добавить, что Горький принимал самое активное участие в работе издательства: внимательно изучал его тематические планы, вносил свои рекомендации.

Достоевский не принадлежал к числу тех классиков, чей опыт Горький считал необходимым изучать и пропагандировать в первую очередь. Но следовало расширять круг публикуемых произведений с учетом культурного роста читательской аудитории. Отлично понимая подоплеку выпада против издательства, Горький немедленно откликнулся на рецензию Д. Заславского ответной статьей «Об издании романа «Бесы» (опубликована 24 января). Казалось бы, состоялся обмен мнениями, вопрос можно считать исчерпанным. Тем более что одновременно с возражением Д. Заславскому в том же номере «Правды» была опубликована пространная третья (заключительная) часть горьковских полемических заметок «Литературные забавы».

Однако буквально на другой день, 25 января, на страницах все той же руководящей газеты появилось ответное выступление Д. Заславского с открытым полемическим заголовком: «По поводу замечаний Горького». Не припоминалось, чтоб в последние годы кто-либо осмеливался открыто полемизировать с ним (исключением только отдельные выступления в дискуссии о языке). Забегая вперед, напомним, что «Правда» вскоре, 19 марта, выступит еще раз с критикой другого издания «Академия» — «Песни французской революции», и Горькому вновь придется вступать в спор с газетой в письме к ее редактору.

Горький занимал в то время положение неофициального министра культуры, и его статьи в условиях тоталитарного режима приобретали почти директивный характер (что, заметим в скобках, имело для Горького и негативное значение. Возможно, сам того не замечая, Горький начал придавать своим выступлениям излишне менторский тон, грешить чрезмерной заостренностью формулировок — взять хотя бы те же «Литературные забавы», вызвавшие крайне критическое отношение такого трезво мыслявшего, бескомпромиссного антисталиниста, как М. Рютин).

С удивлением встретивший публикацию второго выступления Д. Заславского, направленного непосредственно против него, Горький «министр» еще не мог предположить, сколь быстро и круто развернутся события.

28 января 1935 года Горький занял место в президиуме VII Всесоюзного съезда Советов. Ни раньше, ни позже как в первый день съезда «Правда» преподнесла ему сюрприз: «Открытое письмо А. М. Горькому» Ф. Панферова. Казалось бы, все причины для появления нынешней панферовской эпистолы были устранены еще весной прошлого года, в ходе дискуссии о языке, когда признанный мастер подверг суровой и обоснованной критике роман Ф. Панферова «Брусники».

Все поняли тогда, что ставился вопрос о повышении общей культуры писательского труда. 7 марта 1934 года докладчик на III Всесоюзном пленуме оргкомитета П. Ф. Юдин особо подчеркнул, что выступления Горького о языке имеют очень большое значение.

18 марта 1934 года «Правда» опубликовала новую статью Горького — «О языке». Мало того, редакция сопроводила ее примечанием, не оставлявшим и тени сомнения, в каком направлении должна развиваться литература: редакция «целиком поддерживает А. М. Горького в его борьбе за качество литературной речи, за дальнейший подъем советской литературы».

16 июня 1934 года, на другой день после принятия постановления президиума Всесоюзного оргкомитета ССП о сроках открытия съезда (15 августа), в «Литературной газете» публикуется передовая статья «Борьба за новый тип писателя», посвященная статье Горького «Литературные забавы» (начальным ее разделам) и полетной поддерживающая ее. И так, в 1934 году расставлялись решительно все точки над i, как было принято в пору могущественного господства одного авторитета. Понял тогда это и Ф. Панферов. Приходило к Горькому с покаянными словами, благодарил за науку. В апреле прислал письмо с поддерживающей статью «Беседа с молодыми». Еще раз подтвердил, что в вопросе о языке Горький прав целиком и полностью.

И вот теперь, спустя менее чем год после дискуссии, та же «Правда» публикует выступление Ф. Панферова, никак не оговорив изменения своей позиции. А развязный тон панферовского письма Горькому не мог не озадачить всех, кого партийные верхи приучали безговорочно принимать суждения Горького по любому поводу. Теперь вдруг осмелевший Панферов горьковские критические замечания в свой адрес называет проработкой в худшем смысле этого слова. Обиравывая название статьи «Литературные забавы», Панферов обвиняет автора: он «слишком увлекательно забавляется, забывая о том, что имеет дело с живыми людьми, а не с манекенами».

Даже и наиболее бывалые литераторы не могли припомнить ничего подобного за последние годы. И те же бывалые люди начинали смекать: Панферов далеко не столь авторитетная фигура, чтобы отважиться в таком тоне выступать против Горького по своей инициативе. С нетерпением хватили очередные номера «Правды»: что ответит Горький?

Ответа не последовало. Собственно, написан он был Горьким быстро, но Мехлис опубликовать его отказался. Горькому зажимали рот... Верху начинали круто менять курс литературной политики. Кончался период либерального заигрывания с интеллигенцией. Потому Сталина и его окружение никак не могли бы устроить, по существу, и некоторые положения, выдвигаемые Горьким и в ответе Панферову, и в статье по поводу его письма, но отчасти нашедшие все же выход в статье «Литературные забавы».

Горький пока не откликнулся на поплакивающий доносительством призыв Ф. Панферова назвать имена таких псевдокommунистов, но обещал это сделать. Кого собирался назвать он? Может быть, и явно не того, кто и в самом деле заслуживал такого упоминания? И вообще, беспартийный Горький не превышал ли в этом вопросе уровень своей компетенции? Не слишком ли «многочисленно» прозвучало заявленное Алексея Максимовича в ответ на слова Панферова, что Горький ругается: «Полноте, разве так «фругаются». Это — впереди».

Теперь, спустя пять лет, Сталин окончательно разочаровался в Горьком. Он понял, что в душе пролетарский писатель совсем не тот, за кого выдает себя, клянясь в верности ему и его стране. Он понял, что создавал Горький писательский союз в расчете на то, чтобы сделать его, так сказать, самостоятельной организацией, и чем больше будет она независима от правительства, тем лучше.

В планы Сталина это не входило никак, и ему пришлось сразу после съезда активизировать антигорьковскую, то есть панферовскую оппозицию в союзе.

Понял Сталин и то, что книгу о нем Горький не напишет. И не потому что занят сверх головы или «здоровье не позволяет». Из принципа.

Личные отношения между ними осложнились крайне. Совсем недавно писатель запросто мог обратиться к Хозяину по любому поводу — прийти в кабинет, встретиться на даче, позвонить по телефону. Теперь даже по такому важному поводу, как прием приезжающего к нему в гости Романа Роллана Сталиным, приходилось письменно обращаться через третье лицо — А. Щербакова. Однако и эта возможность скоро исчезла: сразу после обращения А. Щербакова с просьбой Горького о вождю Горьков обвиняет автора: он «слишком увлекательно забавляется, забывая о том, что имеет дело с живыми людьми, а не с манекенами».

Нельзя, правда, сказать, что отношения прервались совсем. Так, 3 июля 1935 года довольно неожиданно Сталин со святым посетил Горького на его даче, в Горках. Повод был сущностно важный: узнать, что думают писатели и крупнейший из них о проекте новой конституции. Говорили и о другом — о строительстве метро... Но особенно выразительно, с какой-то загадочной интонацией прозвучала тирида Сталина о перспективах сооружения самолетов-гигантов...

Естественно, никто не мог забыть трагедию, разыгравшуюся какой-то месяц назад, 22 мая: авария многомоторного суперэроплана «Максим Горький» и гибель всех, кто был на его борту. Гибель, которой иные из горьковского окружения придавали значение зловещего предзнаменования.

Ошибочно было бы полагать, однако, что наступал вообще какой-то закат Горького. В глазах большинства он по-прежнему выглядел основоположником, буревестником революции и т. д., и т. п. Писал статьи и приветствия различным орга-

низациям, редактировал книги и журналы, вел обширную переписку. Иногда его приглашали на официальные торжества, на которых присутствовала руководящая верхушка.

Да, внешне для большинства все выглядело благоприлично. И, как бы не нарушая этого благоприличия, на Горького непрерывно оказывалось все возрастающее давление. И именно для того, чтобы исключить всякую возможность предположений о таковом давлении, надо было заботиться о создании положительного фона. И тогда все негативное, страшное, трагическое можно будет списать на волю случая. Или на происки ловко маскирующихся врагов. К примеру, неожиданная смерть сына Максима 11 мая 1934 года? Кому она была выгодна в самый разгар подготовки важнейшего политического мероприятия — съезда писателей? Конечно, тем, кто не хочет сплочения писательских сил вокруг партии... И только самым близким Екатерина Павловна Пешкова, чутко улавливая истоки свалившейся на родитель страшной беды, могла говорить в минуту откровенности: «Максима убрали...»

Случай менее крупного масштаба. Избирают Горького главой делегации советских писателей на международный конгресс в защиту культуры в Париже. 8 июня 1935 года он уже получил заграничный паспорт. Подготовился к выступлению. Но... поездка не состоялась: врачи не рекомендовали...

Зато прекрасным здоровьем отличался молодой Панферов, который как член делегации в Париж попал, хотя «брусками» на международной арене советская литература похвастаться не могла бы явно. Высказанное недавно и поддержанное писателями и «Правдой» мнение Горького во внимание уже не принималось.

Здоровье действительно было у Горького, мягко говоря, неважным. Да и возраст сказывался: середина седьмого десятка. Приходилось пользоваться кислородными подушками. Но работоспособность он продолжал сохранять воистину феноменальную, и переносить осуществлявшиеся им дел и начинаний потребовал бы слишком много места. Тяжело больной человек так работать не мог бы. А тем более больной человек не стал бы без конца расширять круг своих обязанностей. А Горький поступал именно так.

Весной — летом 1935 года в связи с подготовкой к 20-летию Октябрьской революции он проводит несколько многолюдных совещаний с представителями художественной интеллигенции: писателями, композиторами, живописцами, кинорежиссерами, архитекторами. Производился как бы смотр сил накануне крупных торжеств. Особенно отметил Горький успехи в области музыки. А известную помощь в проведении некоторых из этих встреч оказывал ему Р. Роллан, великодушный знаток музыкального творчества. Ему Горький еще летом 1933 года

послал партитуру оперы Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» и некоторые другие, как он считал, наиболее значительные сочинения советских композиторов.

Получалось, что, вопреки критическим выступлениям «Правды» в начале года, Горький не только не сложил руки, но стал расширять круг своих сторонников, завоевывать новые позиции.

Сталин ощущал необходимость весомо высказаться по этому поводу. И он решил на сей раз сделать это лично, в присущей ему манере, исключая какой-либо кривоизогнутый смысл совпадения дат.

Четыре эти статьи, по существу, перечеркивали ту работу, которую вел Горький в области культуры, стремясь к совершенствованию профессионализма, к подъему уровня художественного мастерства. Их напряжало начинали подменять такие чисто идеологические категории, как партийность и народность, становившиеся послушным орудием в руках чиновников, приставленных к искусству.

Специальной статьи о положении в литературе не появилось. Но главе Союза писателей в сложившейся ситуации молчаливо отделяться было нельзя. И Горький публикует на страницах той же газеты статью «О формализме». В ней все время подчеркивается, что по названному поводу развернулся спор. Между тем, с точки зрения Сталина, суть состояла в том, что пора было прекратить всякие споры, дискуссии и т. д. Писателям следовало свои способности подчинить четкой установке власти и, отбросив сомнения и колебания, писать о том и так, о чем и как указано, создавая искусство, обслуживающее государственные интересы.

Далее. На протяжении всей статьи Горький ни разу не поддержал прямо выступления в «Правде», не назвал в критическом плане ни одного имени. И, наконец, самое главное. Как и на съезде писателей, в докладе, так и в статье он сделал отдаленный экскурс в историю художественной мысли, и к каким же выводам он подводит своего читателя? «Приблизительно 500 лет буржуазия проповедовала гуманизм, говорила о необходимости воспитывать в людях чувства добрые: терпение, кротости, любви к ближнему и т. д. Ныне весь этот мармелад совершенно вышел из употребления, заброкован и заменен простейшей формой укращения стропильных строптивым рубяг голых топоров. Это, конечно, не лучшая форма лишения человека способности честно мыслить». Вряд ли надо доказывать, что подобные пассажи имели достаточно прозрачный оппозиционно — полемический подтекст.

Вот почему так важно было для Горького, мягко говоря, неважным. Да и возраст сказывался: середина седьмого десятка. Приходилось пользоваться кислородными подушками. Но работоспособность он продолжал сохранять воистину феноменальную, и переносить осуществлявшиеся им дел и начинаний потребовал бы слишком много места. Тяжело больной человек так работать не мог бы. А тем более больной человек не стал бы без конца расширять круг своих обязанностей. А Горький поступал именно так.

Весной — летом 1935 года в связи с подготовкой к 20-летию Октябрьской революции он проводит несколько многолюдных совещаний с представителями художественной интеллигенции: писателями, композиторами, живописцами, кинорежиссерами, архитекторами. Производился как бы смотр сил накануне крупных торжеств. Особенно отметил Горький успехи в области музыки. А известную помощь в проведении некоторых из этих встреч оказывал ему Р. Роллан, великодушный знаток музыкального творчества. Ему Горький еще летом 1933 года

послал партитуру оперы Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» и некоторые другие, как он считал, наиболее значительные сочинения советских композиторов.

Получалось, что, вопреки критическим выступлениям «Правды» в начале года, Горький не только не сложил руки, но стал расширять круг своих сторонников, завоевывать новые позиции.

Сталин ощущал необходимость весомо высказаться по этому поводу. И он решил на сей раз сделать это лично, в присущей ему манере, исключая какой-либо кривоизогнутый смысл совпадения дат.

Четыре эти статьи, по существу, перечеркивали ту работу, которую вел Горький в области культуры, стремясь к совершенствованию профессионализма, к подъему уровня художественного мастерства. Их напряжало начинали подменять такие чисто идеологические категории, как партийность и народность, становившиеся послушным орудием в руках чиновников, приставленных к искусству.

Специальной статьи о положении в литературе не появилось. Но главе Союза писателей в сложившейся ситуации молчаливо отделяться было нельзя. И Горький публикует на страницах той же газеты статью «О формализме». В ней все время подчеркивается, что по названному поводу развернулся спор. Между тем, с точки зрения Сталина, суть состояла в том, что пора было прекратить всякие споры, дискуссии и т. д. Писателям следовало свои способности подчинить четкой установке власти и, отбросив сомнения и колебания, писать о том и так, о чем и как указано, создавая искусство, обслуживающее государственные интересы.

Далее. На протяжении всей статьи Горький ни разу не поддержал прямо выступления в «Правде», не назвал в критическом плане ни одного имени. И, наконец, самое главное. Как и на съезде писателей, в докладе, так и в статье он сделал отдаленный экскурс в историю художественной мысли, и к каким же выводам он подводит своего читателя? «Приблизительно 500 лет буржуазия проповедовала гуманизм, говорила о необходимости воспитывать в людях чувства добрые: терпение, кротости, любви к ближнему и т. д. Ныне весь этот мармелад совершенно вышел из употребления, заброкован и заменен простейшей формой укращения стропильных строптивым рубяг голых топоров. Это, конечно, не лучшая форма лишения человека способности честно мыслить». Вряд ли надо доказывать, что подобные пассажи имели достаточно прозрачный оппозиционно — полемический подтекст.

Вот почему так важно было для Горького, мягко говоря, неважным. Да и возраст сказывался: середина седьмого десятка. Приходилось пользоваться кислородными подушками. Но работоспособность он продолжал сохранять воистину феноменальную, и переносить осуществлявшиеся им дел и начинаний потребовал бы слишком много места. Тяжело больной человек так работать не мог бы. А тем более больной человек не стал бы без конца расширять круг своих обязанностей. А Горький поступал именно так.

Весной — летом 1935 года в связи с подготовкой к 20-летию Октябрьской революции он проводит несколько многолюдных совещаний с представителями художественной интеллигенции: писателями, композиторами, живописцами, кинорежиссерами, архитекторами. Производился как бы смотр сил накануне крупных торжеств. Особенно отметил Горький успехи в области музыки. А известную помощь в проведении некоторых из этих встреч оказывал ему Р. Роллан, великодушный знаток музыкального творчества. Ему Горький еще летом 1933 года

автор этой книги И. Лежнев был принят в ряды Коммунистической партии, причем существует версия, что одну из рекомендаций дал ему сам Сталин.

Безусловно, одаренный, профессионально зрелый критик, И. Лежнев теперь должен был беспрекословно выполнять как редактор соответствующего отдела «Правды» то, что совет неопределимым ЦК.

Указаний ждать пришлось недолго. 17 января 1936 года Сталин встретился и беседовал с создателями спектакля «Тихий Дон» в Большом театре. Указал, что сцену художник оформил в духе конструктивистских пережитков. Указал на опасность чуждого народу формализма, особо выделив это слово.

А спустя десять дней, 28 января, и появилась статья «Сумбур вместо музыки» об опере Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда». Следом за ней, 6 февраля, — «Балетная фальшь», 20 февраля «Какофония в архитектуре», и, наконец, 1 марта «О художниках-пачкунах».

Обратим внимание на следующую подробность. Ровно год назад, день в день, 28 января, появилось в «Правде» «Открытое письмо А. М. Горькому» Ф. Панферова. На эту «деталь» мало кто мог обратить внимание. Но Горький-то должен был уловить целенаправленный смысл совпадения дат.

Специальной статьи о положении в литературе не появилось. Но главе Союза писателей в сложившейся ситуации молчаливо отделяться было нельзя. И Горький публикует на страницах той же газеты статью «О формализме». В ней все время подчеркивается, что по названному поводу развернулся спор. Между тем, с точки зрения Сталина, суть состояла в том, что пора было прекратить всякие споры, дискуссии и т. д. Писателям следовало свои способности подчинить четкой установке власти и, отбросив сомнения и колебания, писать о том и так, о чем и как указано, создавая искусство, обслуживающее государственные интересы.

Далее. На протяжении всей статьи Горький ни разу не поддержал прямо выступления в «Правде», не назвал в критическом плане ни одного имени. И, наконец, самое главное. Как и на съезде писателей, в докладе, так и в статье он сделал отдаленный экскурс в историю художественной мысли, и к каким же выводам он подводит своего читателя? «Приблизительно 500 лет буржуазия проповедовала гуманизм, говорила о необходимости воспитывать в людях чувства добрые: терпение, кротости, любви к ближнему и т. д. Ныне весь этот мармелад совершенно вышел из употребления, заброкован и заменен простейшей формой укращения стропильных строптивым рубяг голых топоров. Это, конечно, не лучшая форма лишения человека способности честно мыслить». Вряд ли надо доказывать, что подобные пассажи имели достаточно прозрачный оппозиционно — полемический подтекст.

Вот почему так важно было для Горького, мягко говоря, неважным. Да и возраст сказывался: середина седьмого десятка. Приходилось пользоваться кислородными подушками. Но работоспособность он продолжал сохранять воистину феноменальную, и переносить осуществлявшиеся им дел и начинаний потребовал бы слишком много места. Тяжело больной человек так работать не мог бы. А тем более больной человек не стал бы без конца расширять круг своих обязанностей. А Горький поступал именно так.

Весной — летом 1935 года в связи с подготовкой к 20-летию Октябрьской революции он проводит несколько многолюдных совещаний с представителями художественной интеллигенции: писателями, композиторами, живописцами, кинорежиссерами, архитекторами. Производился как бы смотр сил накануне крупных торжеств. Особенно отметил Горький успехи в области музыки. А известную помощь в проведении некоторых из этих встреч оказывал ему Р. Роллан, великодушный знаток музыкального творчества. Ему Горький еще летом 1933 года

послал партитуру оперы Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» и некоторые другие, как он считал, наиболее значительные сочинения советских композиторов.

Получалось, что, вопреки критическим выступлениям «Правды» в начале года, Горький не только не сложил руки, но стал расширять круг своих сторонников, завоевывать новые позиции.

Сталин ощущал необходимость весомо высказаться по этому поводу. И он решил на сей раз сделать это лично, в присущей ему манере, исключая какой-либо кривоизогнутый смысл совпадения дат.

Четыре эти статьи, по существу, перечеркивали ту работу, которую вел Горький в области культуры, стремясь к совершенствованию профессионализма, к подъему уровня художественного мастерства. Их напряжало начинали подменять такие чисто идеологические категории, как партийность и народность, становившиеся послушным орудием в руках чиновников, приставленных к искусству.

Специальной статьи о положении в литературе не появилось. Но главе Союза писателей в сложившейся ситуации молчаливо отделяться было нельзя. И Горький публикует на страницах той же газеты статью «О формализме». В ней все время подчеркивается, что по названному поводу развернулся спор. Между тем, с точки зрения Сталина, суть состояла в том, что пора было прекратить всякие споры, дискуссии и т. д. Писателям следовало свои способности подчинить четкой установке власти и, отбросив сомнения и колебания, писать о том и так, о чем и как указано, создавая искусство, обслуживающее государственные интересы.

Сталин, разумеется, уловил его и мог в определенной степени отнести к своей кадровой политике.

Не без озабоченности воспринимал он и поступающую ему информацию о том, что, опираясь на новую конституцию, проект которой, составленный Бухариным, был послан Горькому заблаговременно, он Горький, и академик Павлов собираются возглавить какую-то партию интеллигенции. Анонимная статья об этом появилась в берлинском «Социалистическом вестнике», который издавал Б. Николаевский, видный меньшевик в прошлом, ставший крупным историком революционного движения в России и хранителем множества бесценных документов. Только этого еще Сталину не хватало! Уж он-то лучше других понимал то, что конституция (как говаривал в узком кругу Б. Пастернак) не рассчитана на употребление.

Как мы знаем, по приказу Сталина Горького блокировали в его шикарном особняке, перекрывали почту. В сущности, это был домашний арест. Горький пытался обратиться к крупнейшим писателям Запада, чтобы через них поведать Европе о происходящем. 18 июня с большим Горьким должен был встретиться Андре Жид. Но именно в этот день Горького не стало.

В ходе болезни Сталин проявлял чуткость к «другу» и навещал его со своей партийной свитой трижды. Вел себя нервозно (это при его-то самообладании). Один раз даже осушили по бокалу в честь и за выздоровление великого писателя, устранение которого было спланировано с четкостью, с какой в стране планировалось сверху все — от количества тонн выплавляемых стали до арестов руководящих кадров и замены их новым эшелон партийных чиновников, главным достоинством которых являлось беспрекословное послушание...

В этой статье изложена лишь малая часть материалов и образований о судьбе Горького, которые автор хотел бы предложить читателю, надеясь, что уже завершенная рукопись когда-нибудь превратится в книгу.

А пока — краткие итоги. Осмысливая события драматической жизни Горького (как, впрочем, и в любом другом случае), не стоит ударяться в крайности, превращая писателя в прислужника режима, сервиллиста, да еще руководящегося корыстно-материальными соображениями, то в героического заговорщика. Версия о том, что якобы существовал заговор против Сталина, возглавляемый Ягодой, а Горький был посредником между ним и «Ивановичами» — Бухариным и Рыковым, с моей точки зрения, не выглядит убедительно. Да и сам В. В. Иванов признается, что «документальное свидетельство, на котором это свидетельство основывалось, исчезло».

Выступая против крайностей сталинской диктатуры, надеясь на смягчение режима, Горький рассчитывал на возможность существенного увеличения меры творческой самостоятельности интеллигенции. Надежда, как мы прекрасно понимаем сейчас, вполне утопическая в рамках тоталитарной системы.

Но всегда ли важен лишь конечный результат и только он? Результат может быть достигнут либо нет, но мы должны достойно оценивать и активность устремления к нему.